

Маша рисует облака

СЕМЕЙНАЯ СКАЗКА

Маша рисует облака

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление стр. 3

Глава 1.

Аэропорт — целый город стр. 5

Глава 2.

Внутри серебряной птицы стр. 9

Глава 3.

Облако в кармане стр. 10

Глава 4.

Посадка и аплодисменты стр. 13

Глава 5.

Рисунок находит хозяина стр. 16

Эпилог.

Первый полёт навсегда стр. 19

Вступление

На полу в комнате творился настоящий хаос. Платья, носочки, любимая панама и три книжки про море — всё это было аккуратно разложено по кругу, а в центре стоял синий чемодан с жёлтыми звёздочками. Маша сидела рядом, скрестив ноги, и смотрела на вещи с видом очень серьёзного исследователя.

— Карандаши едут точно, — объявила она и положила пенал в самый угол чемодана. — И альбом тоже. Вдруг там будут такие облака, которые надо срочно нарисовать.

Мама Ева стояла в дверях и еле сдерживала улыбку.

— Срочно нарисовать облака — это важная задача, — согласилась она, подходя ближе. — Но купальник мы тоже возьмём, ладно?

Маша подумала секунду и кивнула: купальник дело серьёзное.

Папа Глеб в это время сидел за столом и перекладывал документы из одной папки в другую. Потом обратно. Потом снова в первую. Он делал это с таким сосредоточенным видом, будто готовился к экспедиции на другой конец света, а не к перелёту на море.

— Паспорта есть, билеты есть, — бормотал он себе под нос.

— Папа, — перебила его Маша, — а самолёт большой?

— Очень большой.

— Больше нашего дома?

— Намного больше.

Девочка переварила эту информацию и тут же выдала следующий вопрос:

— А он не упадёт?

— Не упадёт, — твёрдо ответил папа. — Самолёты очень любят летать. Это их любимое дело.

Маша задумалась. Ей нравился такой ответ.

— А облака мягкие? — спросила она уже у мамы. — Если высунуть руку в окошко, можно потрогать?

Ева засмеялась и присела рядом на пол.

— Окошки в самолёте не открываются. Но облака ты увидишь совсем близко — вот такие пушистые, как вата.

— Тогда я точно нарисую, — решила Маша.

Они вместе навалились на чемодан, застегнули упрямый замок и поставили его у двери. Всё было готово. Оставалось только одно — дождаться завтра. Маша легла спать, но ещё долго лежала с открытыми глазами и думала про облака. Интересно, какого они цвета изнутри?

Глава 1. Аэропорт — целый город

Аэропорт оглушил Машу сразу — ещё у входа. Огромные двери разъехались сами, без всякой ручки, и внутри оказался целый город. Высокий потолок, яркие огни, люди со всех сторон, и все куда-то спешат, тащат чемоданы, говорят на непонятных языках.

Маша крепко взяла папу за руку и завертела головой. Табло под потолком мигало цифрами и буквами — они менялись с тихим щелчком, как будто кто-то невидимый листал огромную книгу. По ленте ехали чемоданы — сами, без людей. Маша даже остановилась посмотреть.

— Они куда едут? — спросила она у Глеба.

— К самолётам, — ответил папа. — Их грузят в специальный отсек под нами, пока мы летим.

Маша представила, как её чемодан с карандашами едет куда-то в темноте, и решила, что это тоже приключение.

Потом она заметила женщину в красивой тёмно-синей форме. На голове у неё была аккуратная шапочка, похожая на маленькую тарелочку, приколотую к волосам.

— Папа, почему у неё такая шапочка? — Маша потянула Глеба за рукав.

Он присел рядом и объяснил серьёзно, как настоящий исследователь:

— Это стюардесса. Форма помогает пассажирам сразу её найти, если нужна помощь. А шапочка — часть формы. Это традиция, она появилась давным-давно, когда авиация только началась.

— Как у капитанов на кораблях? — уточнила Маша.

— Именно, — кивнул папа с уважением.

Маша это запомнила. Может, нарисует потом.

Они шли к выходу на посадку, когда девочка вдруг замедлила шаг. У самой стены, рядом с рядом кресел, сидел маленький рыжий котёнок. На ошейнике болталась бирочка. Котёнок не спал и не играл — он смотрел прямо на Машу. Внимательно. Серьёзно. Как будто ждал именно её.

— Мама, — прошептала Маша, не отводя взгляда. — Он один.

Глава 2. Внутри серебряной птицы

Внутри самолёт оказался совсем не таким, как Маша представляла. Она остановилась прямо в проходе и не двигалась — впереди тянулись ряды кресел, одинаковых, как карандаши в коробке. Слева, справа, снова слева. Сколько же их тут?

— Проходим, путешественница, — тихо сказала мама Ева и мягко подтолкнула её вперёд.

Но Маша уже заметила стюардессу — ту самую, в аккуратной форме — и не удержалась:

— А почему сумки надо убирать наверх? Там же ничего нет!

Стюардесса улыбнулась так, будто этот вопрос был самым интересным за весь день.

— Когда самолёт летит, всё внутри немного трясётся. Если сумка стоит внизу, она может упасть на ноги. А наверху — крепко и безопасно. Как на полке у капитана.

— Как у капитана, — повторила Маша серьёзно и полезла на своё место у иллюминатора.

Окошко было круглым и чуть мутным по краям. Снаружи виделось крыло — огромное, блестящее, совсем неподвижное. Папа Глеб пристегнул ремень и сказал, что скоро поедem. Маша не поверила — такая большая штука не может просто взять и поехать.

Но она поехала. Сначала медленно, потом быстрее, потом очень быстро — и земля вдруг провалилась вниз. Маша прижалась носом к стеклу. Дома стали маленькими, дороги — тонкими, как нитки. А потом всё исчезло в белом.

Облака были не мягкими. Они были как молоко — светлые, плотные снаружи и пустые внутри. Маша смотрела и думала, что это немного несправедливо. Но красиво.

Когда стюардесса привезла тележку с едой, девочка забыла про облака. На маленьком подносике стояли крошечные упаковочки — сок в коробочке, печенье в пакетике, масло в маленьком горшочке. Всё игрушечное, но настоящее.

— Это как сокровища, — шепнула Маша маме.

— Тогда бери, — улыбнулась Ева.

Маша бережно поставила поднос на столик, достала альбом и карандаши. Надо было нарисовать прямо сейчас, пока облака никуда не улетели. Она провела первую линию — и самолёт тихонько качнулся, будто заглянул в альбом.

Глава 3. Облако в кармане

Карандаш сам нашёл нужную линию. Маша рисовала облако — пышное, круглое, с хвостиком сбоку. Потом посмотрела на него внимательнее и вдруг поняла: хвостик, два ушка, пушистые бока. Облако получилось точь-в-точь как тот рыжий котёнок из аэропорта.

Она даже оглянулась, будто он мог сидеть где-то рядом в проходе.

Мама Ева заглянула в альбом через плечо.

— Ой, — сказала она тихо. — Ты знаешь, у него на бирочке был адрес.

— Чей адрес? — Маша подняла голову.

— Котёнка. Я успела заметить, пока ты смотрела на табло. Далеко-далеко — там же, куда летим мы.

Маша уставилась на маму. Это было слишком важно, чтобы просто кивнуть.

— Он летит один?

— В специальной клетке, в багаже. Там тепло и безопасно, — Ева говорила спокойно, но в глазах у неё было что-то похожее на улыбку. — Его хозяин — пожилой художник. Ждёт дома.

Папа Глеб оторвался от книги.

— Художник? — переспросил он с интересом.

— Художник, — подтвердила мама.

Маша снова посмотрела на рисунок. Котёнок-облако смотрел на неё с листа бумаги круглыми карандашными глазами. Она подумала: каково это — лететь в темноте, без окошка, без мамы рядом? Даже если тепло. Даже если безопасно.

Она взяла жёлтый карандаш и закрасила облако в рыжий цвет. Потом аккуратно вырвала листок из альбома — самый аккуратный отрыв в её жизни, почти без бахромы.

— Это ему, — сказала Маша.

— Кому? — не понял папа.

— Котёнку. Это подарок. Когда прилетим, я его найду и отдам. Чтобы он знал, что его уже ждали.

Ева переглянулась с Глебом. Папа кашлянул и снова уткнулся в книгу, но уголки его губ поползли вверх.

Маша сложила листок вчетверо и спрятала в карман джинсов. Облако теперь было у неё с собой. Самолёт летел сквозь белое молоко за стеклом, а где-то внизу, в тёмном тёплом багаже, рыжий путешественник ехал навстречу своему художнику — и пока ещё не знал, что его уже нарисовали.

Глава 4. Посадка и аплодисменты

Самолёт вдруг качнулся и начал опускаться. Маша почувствовала, как что-то щёлкнуло в ушах — будто кто-то тихонько хлопнул ладошками прямо внутри головы.

— Снижаемся, — сказал папа Глеб и убрал книгу.

Девочка прилипла к иллюминатору. Сначала там было только белое — облака расступились, и внизу появилось что-то настоящее. Крошечные домики, как из кукольного набора. Дороги тонкими нитками. А потом — море. Синее, блестящее, с белыми чёрточками волн.

— Мама, смотри! — выдохнула Маша.

Ева наклонилась через плечо дочки. — Красиво, правда?

Маша схватила карандаш и добавила последний штрих к рисунку — маленькое синее пятнышко прямо под рыжим облаком-котёнком. Море. Чтобы он знал, куда летит.

Потом земля стала расти. Быстро-быстро. Полоса появилась прямо под носом самолёта — серая, ровная, с белыми полосками. Толчок. Колёса коснулись земли, и всё загудело, затряслось, самолёт побежал, тормозя изо всех сил.

И тут — хлопки. Сначала один человек, потом другой, потом весь салон захлопал разом.

Маша растерянно посмотрела на маму. Потом на папу. Глеб пожал плечами и тоже хлопнул пару раз, серьёзно, как на концерте.

— Это зачем? — спросила Маша.

— Радуются, — объяснила мама. — Что долетели.

Маша подумала секунду. Потом захлопала изо всех сил — звонко, от души, так что ладошки сразу покраснели.

В зале выдачи багажа было шумно и пёстро. Чемоданы ехали по ленте, люди толкались с тележками. И вдруг Маша увидела его — рыжего котёнка в клетке у стены. Рядом стоял пожилой дедушка с растрёпанными седыми волосами и что-то объяснял сотруднику аэропорта, показывая руками. Сотрудник только разводил руками в ответ.

Маша вытащила из кармана сложенный листок — тот самый, с рыжим облаком — и подошла.

— Это он, — сказала она и протянула рисунок дедушке. — Я его нарисовала. Чтобы он не боялся лететь.

Дедушка замолчал. Взял листок обеими руками. Долго смотрел.

— Ты художница? — спросил он наконец тихо.

— Немножко, — ответила Маша честно.

Котёнок в клетке мяукнул. Совсем негромко, как будто тоже сказал спасибо.

Глава 5. Рисунок находит хозяина

Дедушка держал рисунок так бережно, будто это было что-то хрупкое. Потом поднял глаза на Машу — и в них блеснуло что-то тёплое, почти как слёзы, только радостные.

— Именно так, — произнёс он тихо, на незнакомом языке. Но Маша почему-то всё поняла.

Мама Ева наклонилась к ней и шепнула:

— Он говорит, что именно так и представлял своего котёнка. Летящим среди облаков.

Папа Глеб уже разговаривал с сотрудником аэропорта — серьёзно, по-деловому, листал какие-то бумаги. Он умел вот так: взять сложную ситуацию в руки и аккуратно её распутать. Через несколько минут клетку разрешили забрать.

Дедушка-художник опустился на одно колено прямо посреди зала и открыл дверцу. Рыжий котёнок осторожно вышел, потянулся, огляделся — и ткнулся носом в его ладонь. Потом замурчал. Громко, на весь зал.

Маша засмеялась.

— Он рад, — сказала она.

Мама перевела. Дедушка улыбнулся и кивнул — медленно, с достоинством. Потом что-то сказал, показывая на рисунок и на Машу.

— Говорит, что ты настоящая художница, — перевела Ева. — И что этот рисунок он сохранит навсегда.

Маша не знала, что ответить. Поэтому просто улыбнулась в ответ. Этого оказалось достаточно.

Они стояли посреди шумного аэропорта — девочка, которая рисует облака, и пожилой художник с котёнком на руках — и понимали друг друга без единого общего слова. Маша вдруг подумала: доброта, наверное, и есть такой язык. Его не надо учить. Он просто есть.

Потом папа взял чемодан, мама взяла Машу за руку, и они пошли к выходу. За стеклянными дверями аэропорта блесло море — настоящее, синее, совсем близко. Маша остановилась на секунду и посмотрела на него.

Они добрались.

Эпилог. Первый полёт навсегда

Вечером Маша вышла на балкон с альбомом под мышкой. Море шумело внизу — тихо, равномерно, как будто дышало. Она устроилась на стуле, свесила ноги и почувствовала, как тёплый воздух поднимается снизу. Почти как лететь.

Альбом лежал на коленях, раскрытый на последней странице. Там был аэропорт — стеклянный и большой. Рядом — серебряный самолёт с маленькими иллюминаторами. Потом облака, похожие на подушки. Рыжий котёнок, летящий прямо сквозь них. И улыбающийся дедушка-художник, который держит его на руках.

Маша провела пальцем по рисунку. Краски немного смазались — она рисовала быстро, пока самолёт ещё снижался.

— Ты сегодня была настоящим путешественником, — сказала мама Ева, выходя на балкон с двумя кружками чая.

Маша подняла голову.

— Я знаю, — ответила она. — Но я ещё и художником была.

Папа Глеб появился следом, прислонился к перилам и посмотрел на море серьёзно, как смотрят на что-то важное.

— И немного волшебником, — добавил он.

Маша хотела возразить, что волшебников не бывает. Но потом вспомнила лицо дедушки, когда он увидел рисунок. И передумала.

Она закрыла альбом. Обложка была тёплой — нагрелась за день.

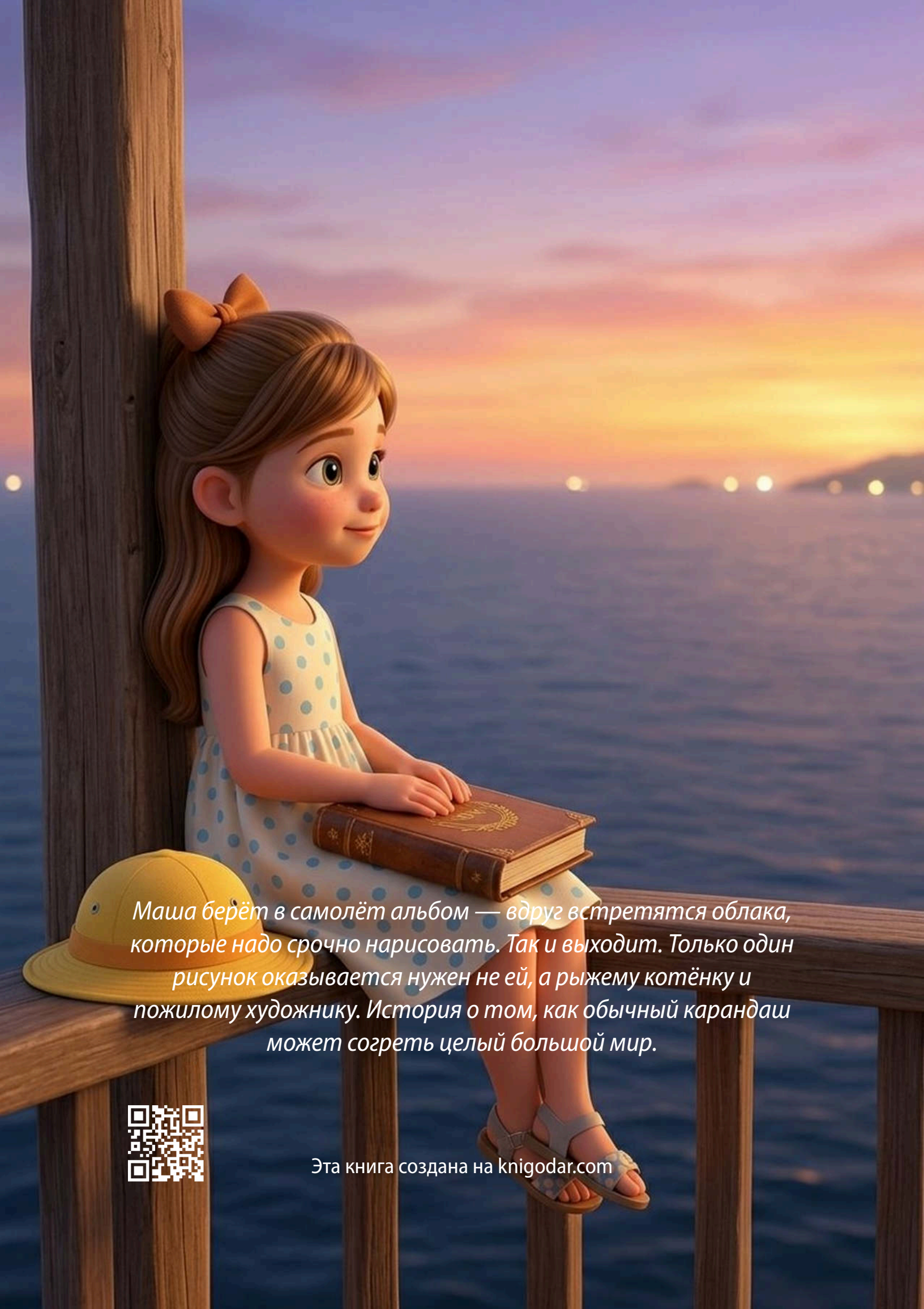
Море продолжало шуметь. Где-то вдали мигал огонёк — наверное, корабль. А может, звезда упала так низко, что запуталась в волнах.

Маша думала. Не о самолёте и не об аэропорте. О том, что утром она просто взяла альбом в дорогу — на всякий случай. А оказалось, что именно этот рисунок был нужен одному пожилому художнику и одному рыжему котёнку. Один маленький листок бумаги — и целый большой мир стал чуточку теплее.

Ева обняла её за плечи. Глеб молчал рядом — он умел молчать так, что это было лучше любых слов.

Маша посмотрела на море, потом на небо, потом снова на альбом.

Первый полёт оказался не просто дорогой из одного места в другое. Это была история. Её история. И она её нарисовала.

Маша берёт в самолёт альбом — вдруг встретятся облака, которые надо срочно нарисовать. Так и выходит. Только один рисунок оказывается нужен не ей, а рыжему котёнку и пожилому художнику. История о том, как обычный карандаш может согреть целый большой мир.

Эта книга создана на knigodar.com